

О тенденции к сближению правового режима расторжения договора и реституции по недействительной сделке

Научный руководитель – Громов Андрей Андреевич

Ибраев Еркен Амангельдиевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: erken.ibraev2005d@mail.ru

Различие между расторжением договора и реституцией в случае недействительности сделки зачастую проводится так, что в случае расторжения сам договор является действительным, но возврат полученного происходит в силу нарушения договора, либо в силу соглашения. Реституция же применяется, когда сделка признается правом порядком недействительной, иными словами, встречные предоставления сторон не имели под собой правового основания в виде действительной сделки.

Однако если причины, которыми обусловлен возврат полученного, могут и являться разными, то будут ли сами правила о возврате полученном отличаться в этих двух, на первый взгляд, схожих ситуациях? Ведь в обоих случаях между сторонами имелся договор, который впоследствии в силу различных причин сошел на нет (расторжение, недействительность), а такие механизмы как реституция и расторжению пытаются вернуть сторонам их предоставления. И если одинаковые ситуации будут регулироваться по-разному, то это может нарушить принцип равенства.

Реституция и расторжение прежде всего имеют общее с точки зрения цели правового регулирования. В основе двух институтов лежит целевая установка, которая не просто предполагает возвращение сторонам полученного, но и стремится к приведению сторон в прежнее положение, устранению дисбаланса в их отношениях[1]. Достижение status quo не равно зеркальный возврат вещей - зачастую это сложный процесс перерасчета затрат, доходов и компенсаций, распределения риска, направленный на то, чтобы ни одна из сторон не обогатилась за счет другой вследствие произошедшего сбоя в договорных связях.

Тенденцию к единству мы видим во влиянии сорвавшегося договора на правоотношения по возврату. С одной стороны, недействительная сделка позиционируется как «юридический нуль», которая не влечет правовых последствий, кроме тех, согласно ГК РФ, которые связаны с ее недействительностью, а при расторжении договора стороны своим расторжением отказываются от договора, тем самым, отменяя его действие. С другой стороны, К. А. Усачева замечает, что «сторон возврата в данном случае [в случае расторжения. – Примеч. Е. И.] две, причем их обязательства часто носят взаимный характер, такие стороны ранее были связаны договором, предусматривали в нем различные условия, которые могут быть значимы и для отношений по возврату полученного и т.д»[5]. Это суждение также находит свое подтверждение в абз. 2 п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 года № 35, где указано, что условия расторгнутого договора о процентах, неустойке, а также все обязательства, обеспечивающие исполнение обязанности по возврату имущества, сохраняются до полного исполнения этой обязанности. Этому придерживается и ВС РФ, указывая в одном из своих определений, что условия договора, которые предполагают их применение и после расторжения договора, сохраняют свое действие[3].

Проявлением идеи влияния договора после срыва, но уже применительно к недействительности мы можем заметить, например, в пункте 3 статьи 329 ГК РФ, который закрепляет идею сохранения обеспечений при недействительности основной сделки. Конечно,

можно возразить, что основная сделка и обеспечительная являются разными сделками, поэтому недействительность одной не влечет недействительности другой. Но и на это можно ответить тем, что в связи с принципом акцессорности недействительной должна оказаться и обеспечительная сделка, однако она все же остается действительной, поскольку справедливым в данном случае будет именно влияние сорвавшегося договора для учета интересов сторон.

Общее между реституцией и расторжением можно заметить и во встречности при возврате исполненного. Так, например, для возврата полученного при недействительности сделки в немецком праве была изобретена концепция фактической синаллагмы, которая позволяет применять соответствующие правила к реституционным правоотношениям, тем самым, когда одна из сторон не может вернуть полученное ей ранее по сделке, она не может потребовать возврата переданного другой стороне[2]. В российском праве при недействительной сделке возврат полученного осуществляется по модели двустороннего присуждения, закрепленной в п. 80 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, что обеспечивает баланс интересов сторон, не допуская обогащения одной стороны за счет другой. Данную модель в своем определении ВС РФ распространяет и на расторжение договора[4]. Тем самым, в российском праве возврат полученного в случаях расторжения и недействительности сделок осуществляется по единому правилу двустороннего присуждения, сближая указанные требования.

Еще одно родство между реституцией и расторжением мы можем увидеть в том, какими нормами правопорядок регулирует эти институты. Российское право применяет к отношениям расторжения нормы о неосновательном обогащении, делая при этом оговорку «если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства». Правила о кондикции, согласно статье 1103 ГК РФ, subsidiarily применяются и к возврату исполненного по недействительной сделке. Таким образом, несмотря на споры в доктрине о квалификации требования о возврате в случае расторжения в качестве договорного или внедоговорного, нельзя не заметить, что правопорядок, выбирая применимые нормы для приведения сторон в первоначальное положение, полагает разумным регулировать едиными правилами ситуации возврата при расторжении и при реституции.

Подводя итог, можно отметить, что в российском правопорядке в определенных аспектах идет тенденция к единству режима расторжения договора и реституции недействительной сделки, что приводит к поднятию вопроса о возможной необходимости модели единого обязательства для данных механизмов.

Источники и литература

- 1) Hellwege Ph. Die Rückabwicklung gegenseitiger Verträge als einheitliches Problem. Tübingen, 2004. S.535-536
- 2) Кнелъц (Капитонова) А.М. Синаллагма в договорном праве. Москва: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 223
- 3) Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 9 июня 2022 г. N 309-ЭС22-3993
- 4) Определение СКЭС ВС РФ от 18 августа 2020 г. № 309-ЭС20-9064
- 5) Усачева К.А. Возвращение полученного как последствие расторжения нарушенного договора: диссертация кандидата юридических наук. Москва, 2018. С. 60